

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО БУРЯТ

Жамбаев Баир Цырендоржиевич

кандидат философских наук, доцент, Бурятский институт инфокоммуникаций (БИИК), (г. Улан-Удэ)
bair1961@yandex.ru

Жамбаева Ульяна Баировна

кандидат философских наук, доцент, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, филиал, (г. Улан-Батор)

THE POLITICAL STRUCTURE OF THE HISTORICAL PAST OF THE BURYATS

**B. Zhambaev
U. Zhambaeva**

Summary: In modern Russia, there are politicians and even scientists who consider Lenin's project for the development of Russia to be far-fetched and artificial. They believe that Lenin's granting of territory to the peoples of Russia was merely a gesture of goodwill. Instead, they turn their attention to the Western experience of building federal states based on the recognition of only one principle - administrative-territorial division - without granting their peoples the right to self-determination, believing that this approach ensures the integrity and stability of the state. Meanwhile, as their own experience of building a state show, the problem of separatism is more acute in their countries than in Russia. This means that to solve the problem of separatism, it is necessary not only to pay attention to these principles, but also to constantly expand the powers of the regions, i.e., to pursue a policy of decentralization. However, as historical experience shows, a policy of decentralization is almost impossible in the face of increasing external threats.

Keywords: tribalism, politics, statehood, ancestral lands, living space, and energy.

Аннотация: В современной России есть политики и, даже ученые, которые считают ленинский проект обустройства России надуманным, искусственным. А наделение территорией ее народов лишь жестом доброй воли Ленина. При этом обращают свой взор на западный опыт обустройства федеративных государств, построенных на основе признания лишь одного принципа – административно-территориального, без права их народов на самоопределение, считая, что он обеспечивает целостность и стабильность в развитии государства. Между тем, как показывает их же опыт обустройства государства, проблема сепаратизма у них стоит на повестке дня в более острой форме, чем в России. Это означает, что для решения проблемы сепаратизма следует не только обращать внимание на данные принципы, а на их основе постоянно расширять полномочия субъектов, т.е. проводить политику децентрализации. Правда, как показывает исторический опыт, в условиях нарастания внешней угрозы политика децентрализации практически невозможна.

Ключевые слова: трайбализм, политика, государственность, родовые земли, жизненное пространство, энергия.

Государственное составляющее начало бурят, на момент прихода русских, приходится, как выше отмечено, на Джунгарское ханство (1635–1758) – современная территория северо-западной Монголии, в том числе, включающее на тот период части территории Казахстана, Китая, Афганистана и Алтая. Именно это государство, возникшее на осколках некогда великой монгольской империи, пытались буряты использовать как инструмент реализации идеи Чингисхана – строительство мирового древа-государства и, тем самым стали причиной его тотального уничтожения, включая геноцид ойрат-бурятов, ойрат-калмыков (в рассматриваемый исторический период, они составляли единый этнос) [1, с.219-220].

Падение Джунгарского ханства, в свою очередь, во многом объясняет окончательное подчинение бурят Московскому царству. Последний смертельный удар был нанесен уже на ментальном уровне. Дело в том, что: «Сосредоточенность на духовном – это отличительная черта общественного сознания при восточном типе цивилизации» [2, с. 23]. Здесь речь идет о чрезмерной материализации общественного сознания западных людей, в противовес восточной культуре, сметающих на своем

колониальном пути устоявшийся многовековой жизненный уклад кочевников. И, тем самым, уникальный опыт самоорганизации общественно-политической жизни бурят был уничтожен под натиском наступающего капитализма. В обобщенной форме, по поводу этого явления, В.П. Алексеев, А.И. Першиц в своей работе «История первобытного общества», писали: «Понятно, что остатки первобытности заметнее всего сохранялись в таких классовых обществах, которые могли возникнуть непосредственно в распаде первобытнообщинного строя, т.е. в обществах древневосточных и феодальных, в меньшей степени в античных и почти никогда в капиталистических» [4, с. 332].

В нравственном плане, наступающий капитализм, Ф.Энгельс оценивал как упадок, грехопадение. Так, он писал: «Самые низменные побуждения – вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная скаредность, корыстное стремление к грабежу общего достояния – являются восприимчивыми нового, цивилизованного, классового общества; самые гнусные средства – воровство, насилие, коварство, измена – подтачивают

старое бесклассовое родовое общество и приводят к его гибели» [3, с. 107]. По поводу упорного продвижения казаков на восток Т. Дугаржапов писал: «Казачьи шли на восток за «мягкой рухлядью» - шкурками ценного меха соболей, колонков, бобров и т.д. В ту пору этот товар был «российской нефтью», и, как водится, за счет его экспорта пополнялась казна» [6, с. 139]. Хотя А.П. Окладников выделял иную причину колонизации Сибири, а именно завоеватели усердно искали серебряную руду и золотые россыпи [2, с. 57]. Этот момент лишней раз доказывает, что русские люди «шагали в ногу» с историческим временем. Например, обнаруженное конкистадорами, в одной из стран Латинской Америки, больших залежей серебра в жерле потухшего вулкана сыграло не последнюю роль в быстром развитии капитализма в Европе.

Вместе с тем, А.П. Окладников обращал внимание больше на внутренние причины подчинения бурят, например, на рост сопротивления со стороны данников-киштымов в ответ на опустошительные бурятские набеги [2, с. 49]. Другой причиной подчинения бурят русским, по его мнению, является упадок торговли в условиях постоянных войн. Так, он писал: «Военное время прервало старые торговые связи. Пути на запад к бухарским товарам были отрезаны войной с канскими князьями, постоянные бои с китайскими людьми вряд ли способствовали нормальному развитию торговых сношений с Востоком и проникновению китайских товаров. Может быть, с этим связано и обилие соболей, скопившихся на руках у отдельных князцов бурятской земли и затем частично попавших в руки Петра Бекетова в счет ясака» [2, с. 52–53]. Отсюда, он утверждал: «Подчинение царю явно означало, таким образом, свободу торговли, но только для тех, кто был заинтересован в торговых операциях и имел чем торговать, а не для всей улусной массы» [2, с. 53]. Вместе с тем, по мнению А.П. Окладникова, успешное завоевание русскими бурятских земель является следствием «... значительной роли внутренних противоречий в бурятском обществе...» [2, с. 55]. Речь идет о распаде родового строя на основе возникновения классов, с их антагонистическими противоречиями [2, 54].

Такая интерпретация А.П. Окладникова, вписывается в марксистское клише, стереотипную схему поступательного или поэтапного развития человечества на основе классовых противоречий. Она была бы приемлемой в случае незнания более древней истории бурят, а главным образом истории Монгольской империи, в том числе истории Джунгарского ханства. О каком таком «разложении родового строя» в XVII в. у бурят может идти речь тогда, когда они в более древнее историческое время прошли в своем развитии этап государственной жизни. Это же касается и коренных жителей Америки, т. е. утверждение Ф. Энгельса, изложенное в начале работы, также не выдерживает критику в контексте принципа историзма и в последующее время оно было опровергнуто на основе

анализа письменности индейцев Ю.В. Кнорозовым.

«Сосредоточенность на духовном» стала, пожалуй, той благодатной почвой для проникновения в социальное пространство бурят-монголов буддизма (ламаистского толка), что сказало, в той же мере, на их военной доблести. Массовое обращение к религии во многом объясняется, с одной стороны, утратой веры в единение разных народов для преодоления агрессивной природы человека и социума, а с другой – попыткой ухода от капитализации общественной жизни с ее абсолютизацией материальной ценности в ущерб духовной.

Вышеприведенная идея о том, что родовые земли бурят рассматривались ими как место отдыха и, тем самым вполне осознанно были выведены за рамки политической жизни, находит подтверждение также у В.А. Хамутаева. Он писал: «Страна бурят – Баргуджин-Токум, где еще в 13 в. зафиксированы баргуты, булагачины, кэрэмчины, ойраты, тумэты, хори и пр., явилась родиной предков Чингис-хана и была объявлена им Их хориг, т. е. заповедной, особо охраняемой территорией монголов. Она совпадала с территорией современной этнической Бурятии» [5, с. 43].

На завершающем этапе подчинения бурят сыграла свою крайне негативную роль политика трайбализма, которая «... во все века становления народов-наций был огромным фактором, губящим любую борьбу самых близкородственных племен и родов против колонизаторов...» [5, с. 65]. Печально то, что последствия данной политики бурятский этнос переживает до сих пор в виде западных – якобы более цивилизованных и восточных – менее цивилизованных, т.е. некогда успешно посеянное зерно раздора продолжает портить отношения внутри бурятского этноса. Симптоматично, что в 30-е годы прошлого столетия этническую территорию бурят раскололи на три части, собственно Бурятию и в виде двух автономных округов в составе других субъектов. Такая политика отражает суть колониальной политики, сведенной к принципу – «разделяй и властвуй».

Например, о подлинной причине кризиса российской государственности, в пору становления Московского государства, писал Н. М. Карамзин в исторической повести «Марфа – посадница, или покорение Новгорода». Становление Московского государства на принципах унитаризма во многом объясняется им необходимостью преодоления зависимости от монголов и внутренней междоусобицы. Интересно, то что посол – «боярин Иоаннов», обращаясь с посланием «Князя московского и всея России» к свободным или непокоренным гражданам Новгорода ссылается на историю изначального становления русского государства не только на договорной (федеративной) основе, но и на наличествующие в ней признаки унитаризма. Так, само обращение по Карамзину выгля-

дело следующим образом: «Граждане новгородские! – вещает он, – Князь московский и всея России говорит с вами – внимайте! Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной. Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых соседей или еще лютейших внутренних междоусобий. ... Граждане новгородские! В стенах ваших родилось, утвердилось, прославилось самодержавие земли русской. Здесь великодушный Рюрик творил суд и правду; на сем месте древние новгородцы лобызали ноги своего отца и князя, который примирил внутренние раздоры, успокоил и возвеличил город их. На сем месте они проклинали гибельную вольность и благословляли спасительную власть единого» [7, с. 48].

«Власть единого» - именно эта идея лежит в основе унитарного государства, что становится инструментом покорения народов Сибири и Дальнего Востока, ибо практически все насильственные действия «первопроходцев» совершаются от имени царя и, в той же мере, им прикрываются. Здесь симптоматично и то, что речь посла завершается словами: «Да здравствует князь московский, великий и мудрый! Такому ли государю не славно повиноваться, и для того единственно, чтобы вместе с ним совершенно освободить Россию от ига варваров? ... Тогда бедные и богатые равно будут счастливы, ибо все подданные равны пред лицом владыки самодержавного. Народ и граждане! Да властвует Иоанн в Новгороде, как он в Москве властвует! Или – внимайте его последнему слову – или храброе воинство, готовое сокрушить татар, в грозном ополчении явится прежде глазам вашим, да усмирят мятежников!.. Мир или война? Ответствуйте!» [7, с. 51].

Смеем «ответствовать», что народ, обладающий опытом самостоятельной государственной жизни, вряд ли добровольно откажется от своего суверенитета. И в случае с новгородцами, несмотря на разные увещевания посла Иоанна, всё же отказались подчиняться «власти единого». И, даже после поражения в борьбе за свою независимость, новгородцы обращаются к Иоанну: «Если казна твоя оскудела, если богатство новгородское прельщает тебя – возьми наши сокровища: завтра принесем их в стан твой с радостью, ибо кровь сограждан нам драгоценнее золота, но свобода и самой крови нам драгоценнее. Оставь нас только быть счастливыми под древними законами, и мы назовем тебя своим благодетелем...» [7, с. 79]. Иоанн же «ответствовал»: «Покорность без условия, или гибель мятежникам!» [7, с. 79] и с гневом отвратил лицо свое. А жизнь организатора сопротивления Марфы обрывается на словах: «Подданные Иоанна! Умираю гражданкою новгородскою!..» [7, с. 88]. Здесь читателю напомним, что население государства при монархическом режиме обретает статус подданных царя без каких-либо конституционно-договорных прав и полномочий, соответственно, при респу-

бликанском – политико-правовой статус граждан оговаривается в конституции.

Колониальное расширение Московского государства, в последующее историческое время, протекает в рамках вопрошания «Мир или война?». При этом незнание исторического прошлого бурят породило идею привнесения на бурятскую землю более развитой русской культуры. Именно незнание исторического прошлого бурят, в том числе весьма своеобразного их политического мироустройства, на постоянной основе порождает кризис российской государственности. Более в глобальном аспекте речь шла о необходимости учета опыта Монгольской империи, т. е. народам, имевшим опыт государственной жизни, следовало бы даровать различные формы автономий. Этот тотальный пробел в обустройстве России глубоко осознал лишь В.И. Ленин, который на категорической основе требовал предоставления территории практически всем народам, проживающим в России, а именно на признании принципов федерализма – национально-территориального и государственно-территориального, а не только административно-территориального.

Вопрос об обустройстве народов Российской империи решался за долго до самой революции в рамках работы второго съезда РСДРП (1903 г.). «Австромарксисты» Реннер и Бауэр предлагали решить национальный вопрос в России на основе экстерриториального принципа, т. е. без предоставления территории народам, ибо не видели прямой связи между территорией и специфическими национально-культурными запросами этносов.

О поэтапных мероприятиях по организации бурятского государства подробнейшим образом описал Н.Д. Шулунов в своей статье «В. И. Ленин – основатель бурятской социалистической советской автономии», посвященной сорокалетию Бурятской Автономной Советской Социалистической Республики (1963 г.). Из этой статьи видно, что в течение 1920–1923 гг. была проведена огромная организационная работа в деле становления республики. Если попытаться выделить основные моменты, то они сводятся: во-первых, к определению границ единой территории республики на основе уточнения мест проживания бурят; во-вторых, был выявлен ее экономический потенциал с учетом действующих предприятий; в-третьих, была реализована политика районирования; в-четвертых, была организована работа по обеспечению кадрами, в том числе определен основной управленческий орган власти – Бурятский революционный комитет, функционировавший до созыва Первого съезда Советов Автономной области; в-пятых, была определена численность населения, прежде, в автономных областях [8, с. 3 - 17].

По поводу последнего момента, следует напомнить, что предтечей образования республики стали две бурят-

ские автономные области: одна в составе РСФСР, другая в составе ДВР. Первая из них возникла 9 января 1922 г. на основе принятого декрета ВЦИК. В нем сказано: «Все-российский Центральный Исполнительный Комитет постановляет: образовать автономную Бурятскую область в границах, определенных соглашением между Сибревкомом и представителями бурят-монгольской народности в составе аймаков: а) Тункинского с центром в с. Тунка, б) Эхирит-Булагатского с центром в с. Ользоны, в) Боханского с центром в с. Бохан, г) Аларского с центром в с. Кутулик, д) Селенгинского с центром в городе Селенгинск» [9]. «Общая площадь территории Автономной области составляла 101 677 кв. верст, с населением в 185 192 души обоюбого пола, из которых бурят было 129 000, или 70%» [8, с. 9].

Вторая Бурятская автономная область возникла: «К этому же времени при активном участии Бурсекции Иркутской организации РКП (б) и ЦК бурят-монголов Восточной Сибири... в составе Дальневосточной республики – ДВР» [10, с. 66]. «В состав Бурятской Автономной области Дальнего Востока входили аймаки и уезды: Агинский, Хоринский, Баргузинский и Чикойский. Общая численность населения области составляла 112 173 чел.» [8, с. 13].

Такое расчленение Бурятии на две части объясняется нарастанием военной интервенции на Дальнем Востоке. Именно в этой связи была образована ДВР (в состав которой входила вторая Бурятская автономная область) в

качестве буферного государства для того, чтобы остановить агрессоров – оккупационные войска Японии и США. И, как известно из истории гражданской войны, в начале 1922 г. РККА, усиливая свой натиск в направлении Дальнего Востока, разворачивает широкомасштабные военные операции, опираясь на местных партизан и, сумели разгромить остатки белогвардейских формирований и войска интервентов, отбросив их за пределы Дальнего Востока. Отсюда необходимость в сохранении ДВР сошла на нет. И далее в связи с ускоренной советизацией Дальнего Востока встал вопрос об объединении двух Автономных областей РСФСР и ДВР.

И в данном историческом контексте: «Трудящиеся массы Бурятии, - отмечал Н.Д. Шулунов – с энтузиазмом встретившие присоединение Дальнего Востока к РСФСР, настойчиво требовали создания единой Советской Республики, которая должна была явиться основой дальнейшего развития всей политической, экономической и культурной жизни бурятского народа» [8, с. 13].

Таким образом, многовековая устремленность бурятского народа к обретению своего национального государства нашла свою реализацию, благодаря глубоко продуманной национальной политике Ленина. 30 мая 1923 г. Президиум ВЦИК постановил объединить в одну Автономную Бурят-Монгольскую социалистическую Советскую Республику Автономные области бурят-монгол Сибири и Дальнего Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гатапов А.С. Монгольская историческая энциклопедия – Улан-Удэ, 2015. – С. 216–220.
2. Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. – Улан-Удэ, 2014. – С. 47, С. 429.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. -М., 1973. – С. 102, 103, 100, 104, 105.
4. Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990. – С. 332.
5. Цит. по: Хамутаев В.А. Присоединение Бурятии к России: история и современная политика. – Улан-Удэ, 2012. – С. 20, 12, 43, 65, 67.
6. Дугаржапов Т.А. Секретная история бурят. – Улан-Удэ, 2014. – С. 139.
7. Карамзин Н.М. Избранное. – Л., 1985 – С. 48, 51, 79, 88.
8. Шулунов Н.Д. Ленин В.И. – основатель Бурятской Социалистической Советской автономии // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1963. – С. 3–17.
9. Известия ВЦИК от 12 января 1922. № 8.
10. Ербанова С.Я., Басаев Г.Д., М.Н. Ербанов. – Улан-Удэ, 1974. – С. 66.